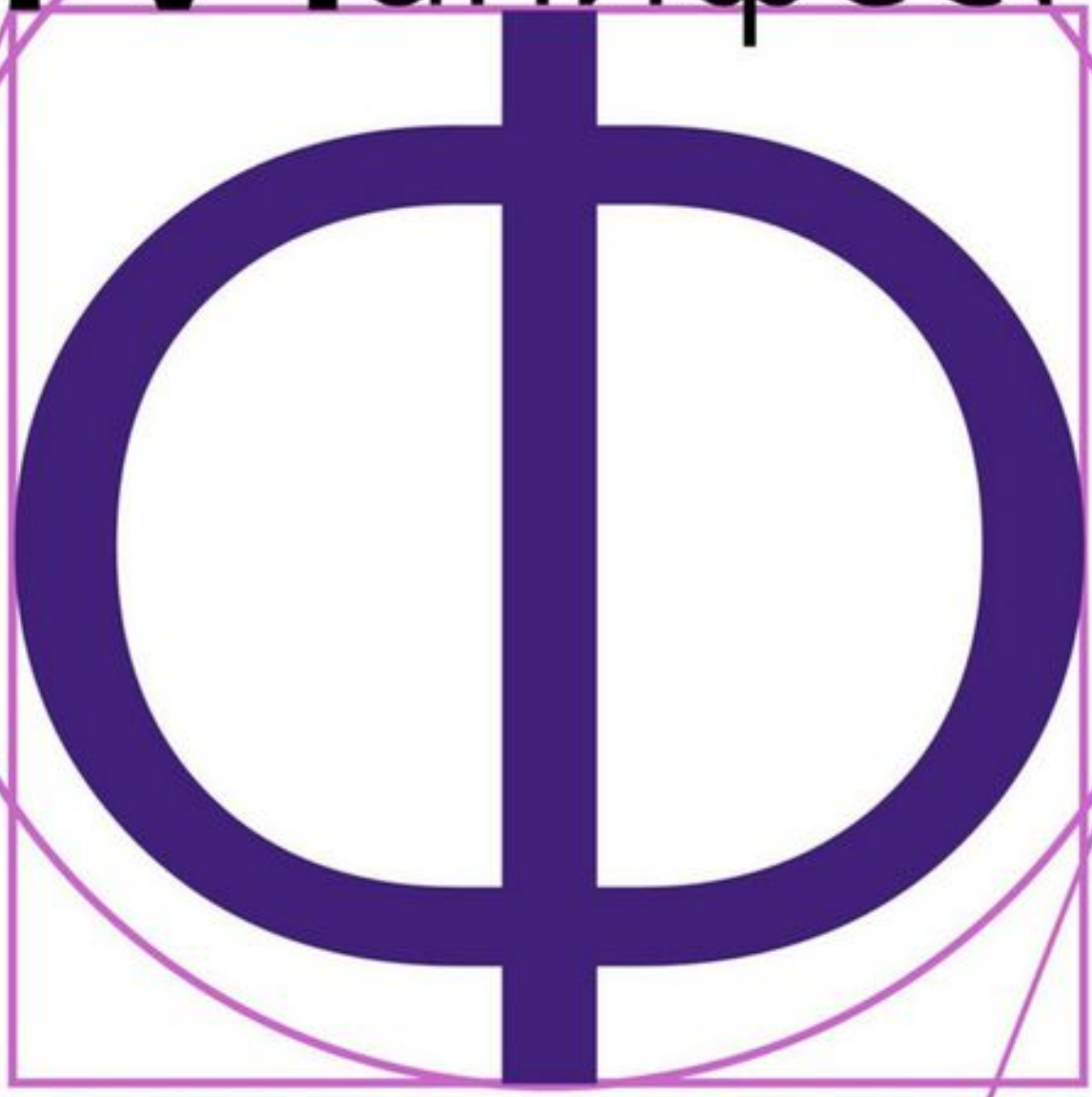
Ольгерта Харитонова

Манифест



ФЕМИНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ РОССИИ

Литагент «Ридеро»
Ольгерта Харитонова

Манифест феминистского движения России

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9305409
ISBN 978-5-4474-0586-1

Аннотация

В Манифесте выдвигаются феминистские требования к изменению ситуации в России, к построению качественно нового общественного устройства, базирующегося на феминистских принципах отношений. В I части излагается развитие феминистских идей. Во II описываются причины и проявления кризиса патриархата. В III выдвигаются актуальные требования.

В статье «Феминизм на Руси» прослеживается развитие Женского движения в России, идущее параллельно с социальными изменениями в стране.

Содержание

Предисловие авторессы 5
Манифест феминистского движения России 7
I. Развитие феминистских идей 9
II. Кризис патриархата 20
Конец ознакомительного фрагмента. 22

Манифест феминистского движения России Ольгерта Харитонова

© Ольгерта Харитонова, 2015

Редактор Лиза Королева
Корректор Юлия Харитонова

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Предисловие авторессы

Я поздно начала осознавать себя феминисткой, мне было уже хорошо за тридцать. В конце 1990-х я решила заняться самиздатом – с одной стороны, хотелось печатать тексты людей, чьи голоса не прорывались в хор официальных СМИ, а с другой стороны, многим женщинам недоставало площадки для формирования и развития нового мировоззрения, надо было подвести под тот образ жизни, который уже существовал, идеологическую основу. Такой основой мог быть только феминизм. Я написала программную статью и в 1999 году выпустила первый номер радикально-феминистского журнала «Остров». Потом были относительно «сытые» нулевые, когда все существовали в каком-то шатком балансе интересов: граждане, пока государство не лезло в их частную жизнь, делали вид, что они являются лояльными гражданами, а государство делало вид, что оно заботится о своих гражданах.

Я почувствовала шаткость такого положения году в 2010, когда началось наступление на приватную сферу жизни: активизировалась церковь, заговорили о запрете абортов, в Рязанской области в 2009 г. приняли первый гомофобный закон, за ним последовали остальные. В 2011 году я стала заниматься феминизмом осознанно, читая все доступные тексты, участвуя в виртуальных и реальных дискуссиях, проводя феминистские мероприятия. В то время основной виртуальной площадкой для общения феминисток был блог. **feministki.livejournal.com** Там действительно можно было безболезненно войти в тему, получить ответы на основные вопросы и постепенно сформировать собственное мировоззрение. Спасибо модераторам этого блога, и в частности frau-derrida. Однако только виртуального общения не хватало, поэтому мы решили создать площадку для обсуждения феминистских вопросов в реале. Идея такого формата принадлежала Елене Максимовой. 29 мая 2011 года прошла первая встреча в рамках Школы феминизма. В течение первого года мы проводили обсуждения различных тем раз в месяц, потом частота снизилась, но Школа феминизма продолжает существовать в группе **vk.com/fem_school** и на сай те **journal-ostrov.info/fem_school**. А я продолжаю осмыслять теорию и практику феминизма в России, читать лекции, участвовать в иных просветительских программах (например, «Говорящие головы» Сахаровского центра).

Российских феминисток немало. Формы их феминистской активности разные: кто-то собирается в группы роста самосознания, кто-то находит себя в виртуальных группах общения, выстраивая свою феминистскую идентичность. Художницы объединились в движение «Феминистский карандаш». Очень немногие выбрали для себя общественную и политическую активность. В Москве это – Татьяна Сухарева и Татьяна Болотина. Мы вместе с ними организовывали марши, митинги и пикеты. Когда речь зашла об организации Феминистской партии, я поняла, что Манифест необходим. Я благодарна всем, с кем вступала в реальный или виртуальный диалог при обсуждении идей, которые затем нашли свое отражение в тексте Манифеста. Я благодарна всем, чьи тексты я читала, получая информацию и черпая вдохновение. По теме патриархата особенно ценными были тексты пишущей под ником accion-positiva. По теме насилия, траффикинга, проституции и порнографии я находила убедительную позицию у Натальи и Анастасии Ходыревых.

Я понимала, что в существующих условиях невозможно сесть нескольким женщинам за один стол и написать общий текст. Во всяком случае, я такую группу собрать не смогла. Поэтому я прочитала много высказываний женщин, знакомых с феминизмом в России и пишущих по-русски. Я знаю, что есть разные группы российских феминисток, которые поддерживают разные направления в феминизме. Полагаю, что в данный момент многие феминистские группы не смогут договориться друг с другом. Я осознаю, что крайне сложно

объединить под одним названием «Манифест Феминистского движения России» столь разные взгляды. Поэтому я не строю иллюзий и не пытаюсь загонять всех феминисток в стройные ряды марширующих в ритме данного Манифеста. В этом тексте предлагается один из возможных путей движения, где я постаралась учесть первоочередные задачи и наметить долгосрочные цели, как их понимаю я. Поэтому я и подписываюсь под этим Манифестом. За каждое слово я беру ответственность на себя. Манифест – это то, как я вижу движение, его цели и пути. Но, подчеркиваю еще раз, только после того, как я обсудила эти идеи со многими феминистками здесь, в России, я взяла на себя смелость обобщить их и представить в едином тексте.

Основные идеи Манифеста прошли апробацию на «Феминистских средах» в Центре независимых социологических исследований в 2012 г., в Свободной школе Сопротивления и на встречах в Московской экспериментальной школе по гендерным исследованиям в 2013 г., а также в Школе феминизма в 2014 г. Я учла замечания, сделанные там при обсуждениях.

К сожалению, зарубежные фонды: ни имени Генриха Бёлля, ни имени Розы Люксембург – не поддержали издание Манифеста. Книга была напечатана в 2014 г. за счет авторессы.

Я благодарна всем феминисткам, которые так или иначе помогли мне создать этот документ – всем, даже если они здесь не названы. Но о некоторых хочется еще сказать. При написании статьи «Феминизм на Руси» я опиралась на материал из книги Ирины Юкиной «Русский феминизм как вызов современности». Для встреч в рамках Школы феминизма Сахаровский центр предоставлял нам площадку. А также спасибо моей однофамилице – Юлии Харитоновой, осуществившей корректуру текстов.

И еще я бесконечно благодарна своей жене, без которой всего этого просто не было бы. Это она поддерживала меня постоянно в моем активизме и в моих теоретических изысканиях. В разговорах с ней выкристаллизовывался феминизм, представленный на страницах Манифеста, которые она же затем дотошно правила.

Феминизм безбрежен и открывает простор для будущего человечества.

Ольгерта Харитонова,
феминистская философиня,
кандидат философских наук

Манифест феминистского движения России

Все люди братья, а женщины – их рабыни. Так распорядился патриархат, так учит нас вся записанная история человеческого общества. Феминистки, в отличие от остальных женщин, свое рабское положение осознали и стремятся донести это знание до всех: как женщин, так и мужчин. В рамках патриархата несвободен каждый. Однако положение дискриминируемых и угнетенных всё же радикально иное, чем у господствующей социальной группы. Значит, и протест против такого положения должен быть радикально иным, то есть радикальным.

Воззрения феминизма возникли не вчера. Уже несколько столетий феминистские идеи прорываются в учениях тех или иных мыслителей. Эти взгляды развивают как философы, так и общественные деятели, как женщины, так и мужчины, как в Европе, так и в Азии. Феминизм пока не стал идеей, захватившей умы человечества. Но этот день не за горами, так как альтернативы феминизму нет. Феминизм пока не стал единым учением со стройно изложенной системой взглядов. Но это и не является целью, так как феминизм – живая система взглядов, воззрений, точек зрения, и она развивается с каждой новой участницей, с каждым новым витком общественного движения. Пора уже и России включиться в развитие идей феминизма. Российским феминисткам есть, что сказать обществу.

Однако на постсоветском пространстве к феминизму по-прежнему относятся настороженно. Он считается учением, пришедшим с Запада, чуждой россиянам идеологией. Феминизм отвергается и высмеивается, многие считают его чем-то неприличным и порочным, о чем следует молчать. За феминизм еще не сажают, но его уже публично осуждают. В официальных СМИ феминистские воззрения никто не высказывает, потому что в официальных кругах их никто и не придерживается. Феминистки – это фигуры умолчания, для россиян нас нет, так как нас не показывают по телевидению, наш голос не слышен, идеи остаются не высказанными. В России считается, что революция 1917 года решила женский вопрос: женщинам дали право голоса, им предоставили право на образование, на труд, и закрепили равенство прав в Конституции. Казалось бы, чего еще требовать? Однако на деле равенство прав не соблюдается, остается простой формальностью, а общество продолжает жить в рамках двойных стандартов, «стеклянного потолка» для карьерного роста и двойной рабочей смены для женщин.

Женщина вынуждена строить свою жизнь на принципах патриархата, говорить с миром на его языке. Но при этом оставаться женщиной, со своим жизненным опытом, своими интересами и потребностями. Чтобы сохранить себя, женщине приходится жить в «параллельном» мире, не включаясь в патриархальные традиции общества. Однако в социальном мире мы необходимо играем по правилам патриархата: строим карьеру, открываем свой бизнес, отвоевываем себе место под солнцем. И получается так, что современные, сильные, самодостаточные, успешные женщины, развивая в себе лидерские качества, играют не против патриархата, а «за» него, пробиваясь в команду его лидеров. Но и безвольные, слабые, прячущиеся за мужнино плечо женщины также играют в команде патриархата – в качестве защитников.

И лишь осознанное восприятие идей феминизма поможет женщинам изменить этот мир. Пока же кто-то свои феминистские взгляды скрывает, предпочитает не афишировать, а кто-то их попросту не осознает. Мало кто из окружающих знает, какие социальные и политические задачи ставят перед собой феминистки, но многие чувствуют в них угрозу и начинают в официальной культуре, а также в соцсетях вести против них кампанию. Именно поэтому так часто можно услышать фразу: «Я не феминистка, но…» Женщины, имеющие и высказывающие феминистские взгляды, не хотят быть причисленными к этому движе-

нию за изменение существующего положения вещей. Они стараются делать вид, что их устраивают неизменные гендерные нормы, и что их взгляды ничем не угрожают мужчинам. Они хотели бы изменить только отношение к ним мужчин, политику государства в отношении женщин (а заодно и всех граждан), и чтобы общество отказалось от культуры насилия в целом. Таким образом, за вполне безобидной фразой «Я не феминистка, но…» скрываются весьма революционные воззрения. А значит, феминизм уже и в России созрел для выхода на авансцену истории как учение, которое могут поддержать разные слои населения.

Всем очевидно, что российское общество испытывает системный кризис, и кризис гендерных ролей в том числе. Иначе не стала бы власть так неуклюже и так настойчиво навязывать обществу традиционные патриархальные ценности и моральный авторитет РПЦ, не стала бы она так беспардонно контролировать частную жизнь своих граждан. Феминистское движение способно бросить вызов существующему порядку и внести свой вклад в более широкие социальные изменения, в которых нуждается всё российское общество. Выполнив первоочередные задачи, феминизм может радикализоваться и идти дальше по пути решения коренных проблем существующего порядка, по пути бесповоротных изменений основ существующего строя. Только радикальные решения могут вывести человечество из того кризиса, в который загнал его патриархат. То есть в перспективе, конечной целью должно быть коренное изменение общества. Но начинать следует постепенно и начинать следует уже сейчас.

I. Развитие феминистских идей

Споры о роли женщины в обществе, которые велись в эпоху так называемого «высокого средневековья», уже содержали феминистскую перспективу. Например, во Франции Кристина Пизанская (1364—1430) в своем труде «Книга о Граде Женском» (1405 г.) описала идеальный город-убежище для всех достойных женщин, ощущающих гнет и несправедливость по отношению к ним окружающих мужчин и общества.

Слово «feminisme» (от латинского femina – женщина) придумал французский теоретик социализма Шарль Фурье в начале XIX века. Он писал о «феминистке», «новой женщине», которая изменит общественную жизнь и в то же время сама изменится в обществе, основанном на объединении и взаимоподдержке.

Изначально, когда женский вопрос еще только ставился, речь шла не о феминизме и уж тем более не о целостной его теории, а об эмансипации. Эмансипация женщин – это освобождение их из-под власти мужчин посредством уравнения всех в правах вне зависимости от пола. Исходит стремление к эмансипации из ряда практических ситуаций, в которых женщина не могла действовать, находясь под опекой мужчины, в то время, когда сами ситуации требовали от нее самостоятельных действий. И основано это стремление на простой мысли о том, что изначально, по человеческой сущности, все индивиды равноценны и что неравенство полов обязано своим происхождением насильственному, необоснованному подчинению женщин мужчинами. Появление термина «émancipation de la femme» относится ко времени июльской революции 1830 г. во Франции.

К XVIII в. представление о женщинах как о социальной группе, чье положение в обществе нуждалось в улучшении, стало завоевывать умы просвещенного человечества. Поборницы женских прав во Франции ждали от революции в конце XVIII в., что принципы «свободы, равенства, братства» преобразят и их жизнь, ждали признания своей гражданской полноценности. Они выступили с требованием предоставления всем женщинам политических прав. Главный документ этой революции «Декларация прав человека и гражданина» торжественно провозгласил: «Все люди рождаются свободными и равными в правах…». Обращение «les hommes», «люди», имело оттенок двусмысленности, ведь во французском «l'homme» означает одновременно «мужчина» и «человек», но никак не «женщина». Было очевидно, что в общепризнанную категорию «свободных» и «равных» попадают мужчины, однако оставалось непонятным, попадают ли в нее женщины.

Революционные законодатели так и не признали за женщинами права быть включенными в данную категорию. И этот отказ, сначала в виде умолчания, а затем явный, юридически оформленный, привел к возникновению совершенно нового общественного явления – движения в защиту политических и гражданских прав женщин. Именно движения – то, что позже назвали «первой волной» феминизма. И первым документом этого движения можно считать вышедшую в 1791 г. из-под пера Олимпии де Гуж «Декларацию прав женщины и гражданки». В ней де Гуж объявляла, что женщина ничуть не менее мужчины способна к отправлению основных гражданских прав – на свободу, владение собственностью, сопротивление деспотизму. Единственной преградой для реализации «естественных прав» является «тирания сильного пола». Но законы природы и разума призваны оградить женщину от этой тирании и установить равноправие обоих полов. «Декларация» де Гуж вызвала в обществе бурю негодования, особенно не понравилась фраза, которая впоследствии станет крылатой: «Если женщина имеет право взойти на эшафот, то она должна иметь право взойти и на трибуну». Фраза оказалась еще и пророческой. В ноябре 1793 г. Олимпию де Гуж по ложному доносу отправили на гильотину.

Практически одновременно с де Гуж, в 1792 г., свою книгу «Защита прав женщины» опубликовала Мэри Уолстонкрафт (1759—1797), подняв ряд старых вопросов о природе женщин и их способности к рациональному мышлению. Британская писательница впервые в истории заговорила о необходимости включения женского жизненного опыта в «мужскую», основанную на рациональности, культуру. Мэри Уолстонкрафт в своем трактате пишет о том, что женщина не «создана специально для того, чтобы нравиться мужчине», а является независимой личностью, которая не только способна к обучению, но и имеет право на образование. И поскольку человеческая сущность мужчин и женщин основана на их равноценной Богом данной способности к разуму, то и их добродетели должны быть одинаковыми – то есть должны базироваться на разуме и выбираться по своей воле. Мысль о том, что женщина должна действовать по своему свободному выбору, была радикальна и задала новое направление дискуссии о предписанности социальных ролей и сопутствующих им правах и обязанностях. Идея о равной ценности всех людей неизбежно привела к идее равных прав.

Впервые в истории и задолго до современных дебатов об экономической роли домашнего хозяйства Уолстонкрафт сделала вывод о том, что в обществе, где домашние обязанности не оплачиваются, будет сохраняться экономическая зависимость женщины от мужа. Домашние дела и материнство Уолстонкрафт именовала «формой разумного гражданства», рассматривая их как общественные обязанности, а не как источник личного удовлетворения или страдания женщины. Она не соглашалась с жестким разделением общественной и частной сфер.

К началу XIX в. формирование феминистских теорий оказалось подкреплено развитием социально-философских концепций социалистов-утопистов – Сен-Симона и Шарля Фурье во Франции и британца Роберта Оуэна, полагавших, что только через изменение личности можно достичь более общих политических и социо-экономических изменений и что подобный личностный рост будет успешным только в контексте более широких социальных изменений, а следовательно, личное, политическое и социо-экономическое неразрывно связаны друг с другом.

Будучи неявно прописанными во всех социалистических утопических теориях, эти взаимосвязи получили наиболее четкое выражение в работах последователя Оуэна, британца Уильяма Томпсона. Конкретный анализ положения женщин можно обнаружить в его великолепно озаглавленной работе «Воззвание одной половины человечества, женщин, против претензий другой половины, мужчин, на удержание их в политическом, а следовательно, гражданском и домашнем рабстве» (1824), написанной им в тесном сотрудничестве с Анной Уилер, ведущей социалисткой-феминисткой 1820—1830-х гг. «Воззвание…» вскрывало наличие взаимосвязи политической, экономической и личной власти, демонстрировало множественность способов закабаления женщин. В нем, в частности, говорилось о том, что в настоящее время «закон возвел физическое устройство в преступление», но проявления особенностей женской биологии создают значительно меньше проблем, чем те, которые вызваны крайностью взглядов законодателей-мужчин: «можно ли вообразить, что законодательная власть, переданная только в женские руки, произвела бы на свет безобразия и несчастья, подобные тем, которые разорили нашу планету посредством исключительно мужского законодательства». Томпсон считал, что мужчины только выиграют, если перестанут «жертвовать прелестями равенства… ради вульгарных удовольствий господства».

В середине XIX в. движение за права женщин принимает отчетливые организационные формы. В США в 1840-х, в Англии в 1850-х, во Франции и в Германии в 1860-х, в Скандинавских странах в 1870-х – 80-х годах женское движение набирает силу, требования феминисток в разных странах выливаются в формы общественных кампаний и политических акций.

Феминистское движение в это время рассматривается как «первая волна» феминизма потому, что это была именно волна – волна протестов против положения женщин в обществе и волна борьбы за изменение этого положения – большое количество женщин и их сподвижников во многих странах выступили за изменение законодательства и улучшение социального положения женщин. В ряде европейских стран и США в этот период образуются самостоятельные женские организации, требующие независимости женщин и уважения их прав.

На начальной фазе движения, как в Европе, так и в США, вопросы о праве участия женщин в голосовании не были центральными, главными были проблемы законодательных реформ и, в первую очередь, вопрос о доступе женщин к высшему образованию. Первые феминистки поднимали проблемы, касающиеся практически всех существовавших институтов: законодательства, политики, экономики, религии, образования, семьи, сексуальности и даже определения женственности. Активистки борьбы за женское равенство в середине XIX в. опирались на представление о неравенстве как следствии некой ошибки, законодательного несовершенства и полагали необходимым привлечь общественное внимание к данной проблеме. Всюду женщины боролись против двойных стандартов в отношении полов. Следующим этапом была постановка вопроса о праве голоса для женщин как средстве для обеспечения законодательных реформ.

Самым успешным в середине XIX в. оказалось феминистское движение в США. Американские феминистки приняли активное участие в ожесточенной борьбе за отмену рабства. В 1830—1850 гг. они работали во многих группах и организациях аболиционистского движения и тысячами подписывались под петициями. Однако вскоре участницы этого движения поняли, что даже для своих соратников-мужчин они не являются равноправными личностями. Особенно это стало очевидно на Всемирном конгрессе противников рабства, состоявшемся в Лондоне в 1840 г., когда из зала заседаний были выдворены все женщины-делегатки. Позже одна из основательниц американского женского движения Элизабет Кэйди Стэнтон отмечала, что эта дискриминация по половому признаку на лондонском форуме реформаторов «подтолкнула многих женщин к новому образу мыслей и действий». Участвуя в движении против рабства, женщины осознали сходство своего положения с положением рабов.

19 июля 1848 г. в городе Сенека-Фоллз (штат Нью-Йорк) участницами и участниками движения против рабства, была подписана «Декларация чувств». Декларация начиналась словами: «Мы считаем самоочевидным следующие истины: все мужчины и женщины рождены равными – Господь наделил их определенными неотъемлемыми правами: к таковым относятся жизнь, свобода и стремление к счастью; для защиты этих прав учреждаются правительства, власть которых зиждется на поддержке народа». И далее: «… Принимая во внимание полное отсутствие гражданских прав у половины населения этой страны, социальную и религиозную неполноценность этой половины, принимая во внимание вышеупомянутые несправедливые законы, а также то, что женщины чувствуют себя оскорбленными, угнетенными, обманным путем лишенными своих священных прав, мы требуем, чтобы им были немедленно обеспечены все права и привилегии, которые принадлежат им как гражданам Соединенных Штатов…» Одиннадцать резолюций включали в себя требования для женщин гражданских прав в различных сферах (право на образование, собственность, развод, оплачиваемый труд и участие в политической и религиозной жизни общества), и отдельная резолюция требовала предоставления женщинам права голоса. Участницы съезда выступили также за отказ от двойного морального стандарта, с помощью которого женщины за отступление от нравственности изгоняются из общества, а мужчины тем же обществом за те же проступки практически не осуждаются.

Декларация стала поворотным пунктом в истории американского и мирового феминизма, положив начало формированию его либерально-реформистского направления,

а также начало организованному движению американских женщин за свои права. Участницы и участники встречи в Сенека-Фоллз не отрицали существующего общественного порядка, но желали расширить правовую защиту женщин и дать им равные с мужчинами права, в частности – избирательные.

Ведущим течением феминизма XIX в. стало либеральное направление, основная идея которого заключалась в том, что «поскольку женщины – такие же разумные существа, как и мужчины, они должны обладать теми же юридическими и политическими правами». Либеральные феминистки требовали прекращения правовой, экономической, социальной зависимости женщин, реформ в области права собственности, образования, развода, а также предоставления женщинам равных с мужчинами политических прав. Феминистки требовали пресечения насилия в семье, защиты материнства, права заниматься торговлей и предпринимательской деятельностью.

Умеренное крыло американского женского движения возглавили Люси Стоун (одна из первых женщин, открыто заговорившая о женских правах) и писательница Джулия Уорд Хоу. Они основали в 1866 г. Американскую ассоциацию равных прав (American Equal Rights Association), которая сосредоточила свои усилия на получении женщинами избирательных прав. Активистки Ассоциации считали, что это поможет решить более широкий круг проблем (например, равные права при разводе, право отказывать мужу в интимной близости, расширение экономических возможностей для женщин).

В 1869 г. лидеры более радикального крыла женского движения Элизабет Кэйди Стэнтон и Сьюзен Браунелл Энтони основывают Национальную ассоциацию суфражизма (National Woman Suffrage Association), которая принимала в свои ряды только женщин. При этом Э. Стэнтон была категорически против сведения движения к одной лишь задаче получения избирательных прав и говорила о том, что «угнетенное положение женщины включает в себя не только отсутствие гражданских и юридических прав, но и ее сексуальную эксплуатацию», которая, в свою очередь, является «следствием экономического положения женщины и всей системы общественных и религиозных догм». Стэнтон считала, что неумеренная сексуальность мужчин влечет за собой деградацию и унижение женского пола.

С середины XIX в. берет начало противостояние либерального движения за права женщин и марксизма. Последователи К. Маркса и Ф. Энгельса открыто критиковали либеральных феминисток как выразительниц интересов лишь образованной и сравнительно обеспеченной части женского населения и рассчитывали привлечь на свою сторону тех, чьи интересы оказались обойдены либералками – прежде всего женщин из рабочей среды. Вынужденные нести двойное бремя – семейных забот и работы на фабрике, – работницы и жены рабочих оставались в то время социально пассивными.

Взгляды К. Маркса и Ф. Энгельса положили начало развившимся позже социалистическому и марксистскому направлениям в феминизме. Марксизм первым в мировой истории идей рассмотрел проблему принуждения не как однонаправленного процесса, но как процесса взаимодействия, в котором участвуют и угнетаемые (в классическом марксизме – пролетарии, а в марксистском феминизме – женщины).

В своей работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Энгельс объединил появление частной собственности с закабалением женщин: «ниспровержение материнского права было всемирно-историческим поражением женского пола. Муж захватил бразды правления и в доме, а жена была лишена своего почетного положения, закабалена, превращена в рабу его желаний, в простое орудие деторождения». То есть подчинение женщин, с точки зрения марксистов, совпало с возникновением частной собственности и классового общества.

В XIX – нач.XXв. феминистки с марксистскими взглядами составляли меньшинство. Либеральный же феминизм быстро развивался, сторонницы его преобладали. Во вто-

рой половине XIX в. и в Старом, и в Новом Свете образованные женщины привилегированного класса стали активнее включаться в общественную жизнь, требуя политического равноправия. Основные центры борьбы за него оказались в это время в Англии и США, отчего английский термин «суфражизм» (англ. «suffrage» – избирательное право), означающий борьбу за избирательное право, вошел в историю как определение политического направления в феминизме.

Суфражистки верили, что, имея легальную возможность голосовать на выборах, женщины вскоре освободятся от всех форм дискриминации. В 1868 г. под руководством английской феминистки, писательницы и доктора права Миллисенты Гарретт Фоссет, была создана «Национальная федерация суфражистских обществ» (НФСО). Основными методами ее были просветительская работа, подача петиций в парламент, лоббирование в парламенте своих интересов через симпатизирующих суфражисткам политиков. В течение года НФСО объединила 5000 членов. Она действовала под девизом «Вера, Настойчивость и Терпение» и признавала борьбу только либеральными методами. Организация издавала много брошюр, подавала петиции, устраивала большие митинги.

Когда в 1888 г. феминистки разных стран объединились в «Международный совет женщин», сторонницы борьбы за право голоса составили в нем самую значительную часть. Входившие в него участницы британской НФСО (около 50 000 женщин) организовывали демонстрации, шествия, банкеты и пикники, туры по стране, приемы, встречи с религиозными и женскими организациями.

И тем не менее в Англии принятие закона о праве женщин голосовать не только на местных, но и на парламентских выборах всё откладывалось. Это привело к разочарованию ряда участниц НФСО в либеральных методах борьбы. Недовольные объединились вокруг радикальной феминистки Эммелин Панкхёрст и ее дочерей Сильвии и Кристабель. Руководимое ими Манчестерское отделение НФСО в 1903 г. заявило о своем преобразовании в «Женский социально-политический союз» (ЖСПС), который предпринял серию решительных действий и породил новое направление в суфражизме – милитантство.

Таким образом, суфражистская кампания Великобритании делится на два противоположных течения: на конституционных сторонниц равноправия (suffragists) и воинствующих суфражисток (suffragettes). Сторонницы равноправия (suffragists) соблюдали правила игры, следуя усвоенным понятиям о респектабельной женственности и поведении леди. Суфражистки (suffragettes) же начали устраивать марши, демонстрации, беспорядки, стали атаковать палаты парламента, их судили и заключали в тюрьмы, то есть они бросили вызов устоявшимся представлениям о роли женщины. Они раскололи патриархатную культурную гегемонию, прервав исключительно маскулинистские высказывания. Отвага суфражисток перед лицом опасностей голодовок и насильственного кормления (которое испытали на себе более тысячи женщин) означала, что, конечно, их не следует считать хрупкими и робкими созданиями, нуждающимися в мужской защите. Более того, выбранная их противниками тактика, в частности сексуальное насилие, к которому иногда прибегала полиция, на практике выявила суть этой «защиты».

Если интересы умеренных суфражисток были представлены в программных требованиях Лейбористской партии (создана в 1900 г.), что укрепляло сотрудничество женщин и мужчин в политике (в 1904 г. был создан «Международный альянс за избирательные права женщин», объединивший и мужские, и женские организации), то «милитантки» твердили о своей внепартийности и отказывались сотрудничать с мужчинами. Их организация признавала только участие женщин. Пропагандировались воинственные методы привлечения внимания к требованию права голоса для женщин: милитантки разбрасывали листовки с гостевой галереи парламента, приковывали себя наручниками к перилам в общественных местах, устраивали несанкционированные митинги и шествия, разбивали камнями окна правитель-

ственных зданий, а оказавшись в тюрьме – объявляли голодовки в знак гражданского неповиновения.

На последних этапах действия суфражисток в Англии начинает складываться и международное женское движение. Вообще, характерной особенностью феминистского движения этого времени было стремление к женской солидарности и международному сотрудничеству. Женщины разных стран осознавали общность своего жизненного опыта и проблем, что нашло воплощение в идее сестринства и создании интернациональных женских организаций. Как уже отмечалось, в 1888 г. феминистки разных стран объединились в «Международный совет женщин», а в 1904 г. был образован «Международный женский суфражистский альянс», в который вошли суфражистки США, Канады, Великобритании, Германии, Нидерландов, Норвегии и Швеции. Активистки организации ежегодно проводили тысячи митингов, миллионы листовок о бесправном положении женщин распространялись в самых отдаленных уголках земного шара. В более чем пятидесяти странах появились женские национальные советы, регулярно стали проводиться международные женские конгрессы.

Своеобразным течением в феминизме начала XX в. были анархо-феминистские организации. Теоретиком анархо-феминизма считается американка Эмма Голдман («Красная Эмма»), полагавшая, что женщину освобождает не право голоса или право выбора работы, а личная самостоятельность, психологическая независимость и свобода от норм «общепринятой нравственности»: «Настоящая эмансипация начинается не на избирательных участках и не в судах. Она начинается в душе женщины». Анархистская критика Э. Голдман распространялась на семью и материнство: их она считала основными ограничителями сексуальной свободы женщины.

Если в Европе феминистки боролись за изменение именно и только своего социального положения, за эмансипацию, за обретение собственного голоса, то в России женщины по многим позициям (например, экономическим) имели больше возможностей. А вот как таковой гражданин Российской империи, вне зависимости от пола, по-прежнему был бесправен. И поэтому феминистки, или как их называли в России, «равноправки», готовы были вместе с мужчинами бороться за освобождение российского гражданина от тотальной власти государства. Нерешенность проблем буржуазно-демократического переустройства страны, отсутствие демократических свобод, подавление гражданских свобод личности, препятствия в развитии самостоятельных и независимых граждан, привели русских феминисток к отстаиванию прав не только собственной социальной группы, но и всех других категорий населения страны. «Равноправки» сосредоточили свое внимание и усилия на достижении равноправия всех граждан России перед законом, на освобождении личности из-под репрессивной власти государства. Таким образом, деятельность женских организаций в России предстает как общеполитическая – она соединяла освобождение женщин с освобождением всего народа. Лозунг первой женской политической организации «Союз равноправности женщин»: «Ради народного блага будить самосознание и самодеятельность масс; ради раскрепощения женщины – будить самосознание и самодеятельность женщины».

Однако к концу XIX в., когда общественность России заговорила о конституции, о всеобщем избирательном праве, стало очевидно, что мужские и женские взгляды на дальнейшее развитие общества по пути прав и свобод начали расходиться. Избирательный закон 1905 г. нарушил баланс гендерного политического равенства в российском обществе – равенства в бесправии. Теперь мужское население страны стало легитимным участником политического процесса. И вслед за ним русские феминистки поднялись до постановки идеологических целей для себя – получения политических прав, в частности права голоса. До 1905 г. женщины пытались найти свое место в «общем деле», в едином строю с мужчинами в борьбе с самодержавной патриархальностью Российского государства. Борьба женщин в рядах рабочего, социалистического, коммунистического движения являлась борьбой за права муж-

чин. Но после принятия Избирательного закона женщины сместили свой интерес на борьбу с дискриминацией по признаку пола в самих демократических движениях, они стали определять гендерное неравенство как основу социальных конфликтов.

На волне переломного момента для всей российской истории, когда активность людей была велика, и столь же велико было количество не решаемых властью проблем, 19 марта 1917 г. состоялась манифестация, организованная Всероссийской Лигой равноправия женщин в Петрограде. В шествии, чтобы добиться избирательного права для женщин, приняли участие около сорока тысяч человек. Эта задача объединила разных представителей общества, которые не могли мириться с тем, что половина населения Российской империи оставалась бесправной в то время, когда в жизни страны менялось очень многое. Избирательное право женщинам в России было предоставлено еще до октября 1917 года. После Октябрьской революции было провозглашено и законодательно закреплено гендерное равенство. Женщины в СССР получили столько прав и возможностей, сколько у гражданок не было, пожалуй, ни в одном другом государстве. Но они так и не стали действующим коллективным субъектом, защищающим свои интересы и привносящим в политику свою субъективность. Им не удалось изменить культурные нормы традиционного общества, которые стояли на пути к свободной женской личности, создать условия для жизни и деятельности «новой женщины», как об этом мечтали русские феминистки. Проблема автономии, самоопределения женской личности, ее индивидуальности и ценности, вынашиваемые уже в среде первых феминисток в революционных кругах, а затем в советских, уступили место идее общинности и нивелирования личности, индивидуальные интересы были принесены в жертву общественным функциям.

После завоевания права голоса женщины разных стран добились и выполнения ряда других феминистских требований, касающихся брака, опеки над детьми и права на профессиональную карьеру. Однако разногласия между приверженцами «феминизма равенства» (женщина и мужчина – равноправные личности) и «феминизма различий» (у женщин и мужчин разные ценности), ранее объединенных общей борьбой за право голоса, резко обострились. Дебаты сторонниц «феминизма особых прав» со сторонниками женского равноправия в Британии и США способствовали привлечению внимания общества к протекционистскому законодательству, ориентированному на защиту прав женщин, в частности – инициировали принятие законов о женщинах, работающих на вредных для здоровья производствах. Сотрудничая с лейбористами в Англии, феминистки вынудили правительство поставить на общественное обсуждение идею государственной помощи женщинам, в частности – через выплаты пособий по беременности, родам и на воспитание детей (кампания за «семейные пособия» Элионоры Рэтбоун 1929 г. в Британии). Конечно, это не решало проблему женских свобод: мать оставалась привязанной к ребенку, отец по-прежнему трудился в общественной сфере, а ребенок так и не становился объектом общественной заботы. И всё же госпомощь давала почувствовать общественную значимость репродуктивного труда. В 1930-е годы феминистские организации ряда европейских стран вели активную пропаганду противозачаточных средств, заставив вынести на общественное обсуждение и другие вопросы репродуктивных технологий (об абортах, о финансировании государственных гинекологических клиник и др.).

Феминизм «первой волны» часто оценивался как не вышедший на новый уровень отношения к женщине. Феминистское движение не было направлено на изменение всей общественной системы (гендерной в том числе), не отличалось идеологической сплоченностью и массовостью. В 1920-е годы женщины получили законодательную независимость, и политические ориентиры, ранее служившие мобилизующей силой всего женского движения, были утрачены. Лозунги социально-политического равноправия женщин в боль-

шинстве стран цивилизованного мира оказались переведенными в формально-юридические акты и были закреплены в них.

На достижение политического равноправия у женщин ушло примерно лет семьдесят (например, в Англии), то есть три—четыре поколения. Это – весьма значительный срок, он указывает на ту враждебность, резистентность (сопротивляемость), с которой общество встретило женщин, выдвинувших эти лозунги. Потребовалось создать мощнейшее международное движение, использовать давление и шантаж правительств, протесты, парады, аресты, голодовки в тюрьмах, и даже положить на алтарь борьбы несколько героических жизней для того, чтобы наконец право голосовать для женщин стало реальностью. В итоге внешне всё выглядело так, что женщины добились искомого. И после решения почти во всех развитых странах вопроса о праве женщин голосовать на выборах, а также после изменения в пользу женщин ситуации с их первоочередными экономическими правами, «первая волна» феминизма исчерпала свой потенциал и сошла на «нет».

«Вторая волна» феминизма стала подниматься к 1960-м годам. В США это было связано с движением за гражданские права чернокожих, а в Западной Европе – с сексуальной революцией. В русле этих движений женщинам пришлось решать разноплановые задачи: с одной стороны, именно в 60-е годы XX века феминистками стала разрабатываться концепция патриархата как строя, в котором дискриминация женщин узаконена и где осуществляется фемицид (или, как писала Андреа Дворкин, «гИноцид»), строя, где процветает культура насилия; а с другой стороны, феминистская теория обратила внимание на женскую сексуальность, на ее отличия от мужской, на насильственное навязывание официальных сексуальных политик и практик.

Идеологическое начало «второй волне» феминизма положила книга Симоны де Бовуар «Второй пол» (1949 г.), которая заставила женщин задуматься о своем неизменном положении в меняющейся картине мира, о своих постоянных вторых ролях в цивилизации, где солируют мужчины. После этого труда стала набирать силу критика современного общества как принципиально не способного осуществить идею равноправия полов в рамках проводимых политик.

Стремясь отграничиться от традиционного, идущего еще от «первой волны», феминистского либерального движения, предлагавшего решение женского вопроса путем изменения существующего законодательства, участницы нового феминистского движения – радикального – пришли и к новому пониманию политики. Под политикой стал пониматься не ограниченный мир партийной жизни или избирательных кампаний, но отношения власти, пронизывающие всё общество и всю культуру сверху донизу. Власть – это иерархические отношения господства – подчинения, которые существуют не только в государственных социальных структурах, в бизнесе и в политике, но и в культуре (язык, искусство, архитектура, наука, экология, религия и т. п.) и в приватной сфере отношений между людьми (в семье, любви и интимной жизни). Личное является политическим, потому что и личные отношения пронизаны отношениями власти (господства – подчинения) и не могут быть изменены без преодоления последних. Частная жизнь также является политической сферой. Семья и брак в патриархатном обществе – это орудия эксплуатации женщин.

Радикальные феминистки 60-х годов XX века призвали к пересмотру основ общественного устроения. Их призыв был радикальным по сути и по выражению. Они выступали против института брака, за репродуктивную свободу, за свободу от навязываемых гендерных ролей, против религии как социального института, за свободу от капиталистической эксплуатации и против капитализма в целом. Один из лозунгов, выдвинутых в то время, гласил: «Ни мужа, ни Бога, ни господина!» Они стремились вырвать радикально, с корнем (radix [лат.] – корень) те проблемы, с которыми сталкиваются женщины в обществе патриархата, а не просто оборвать листики с дерева общественного устройства. Поскольку стратегия

радикальных феминисток предполагала революционную перестройку общества, соответствующими были и акции, призванные шокировать публику: они захватывали заложников, срывали сеансы порнофильмов, бойкотировали мероприятия, отличавшиеся особым сексизмом и цинизмом по отношению к женщинам. Их демонстрации часто проходили в экстравагантной форме. Хрестоматийным примером стал бойкот Радикальной партией Нью-Йорка конкурса «Мисс Америка» в 1968 году. По сути эта акция стала первой, когда радикальные феминистки выступили столь ярко и когда о них заговорили все американские СМИ. И кстати, не только американские, вот как описывал ситуацию советский публицист Генрих Боровик: «…во время конкурса красоты группа женщин устроила демонстрацию протеста против фальши, искусственности, лицемерия… Серьезная демонстрация закончилась с юмором. В противопожарной бочке был разведен огонь и в нем символически были сожжены пара фальшивых ресниц, парик и даже один бюстгальтер». Шоу «Мисс Америка» было выбрано не случайно, это – концентрация таких американских «традиционных ценностей» как расизм, капитализм, сексизм, милитаризм и им подобных.

Радикальные феминистки ввели в оборот противопоставление патриархатного современного общества, построенного по законам иерархии, господства и подчинения, насилия, на принципах властного доминирования, на основе «мужских» ценностей, андракси – обществу идеальному, не иерархичному, с горизонтальной структурой, в основе которого лежали бы «женские» ценности, гинакси.

Асимметрия во взаимоотношениях полов пронизывает все сферы, начиная с политической и заканчивая сексуальной. «Сексуальность» – центральная категория для радикального феминизма. В ней наиболее наглядным образом проявляются властные отношения, в ней концентрируется власть. Сексуальность не задана биологически, она социально конструируема и исторически изменчива. Исторические трансформации, через которые проходило человечество, сообразно своим изменениям организовывали тела, удовольствия и желания, частную и публичную жизнь граждан. Сексуальные существа – это в то же время и социальные существа, а следовательно конструирование культурной и институциональной жизни общества связано с формированием сексуальности индивидов и сексуальных кодов в частности. Последние принимают форму «нормализации» гетеросексуальности и институализации угнетенного положения женщин.

Мужской пол и в сексуальных отношениях, и в иных других занимает, безусловно, привилегированное положение. Сначала это связывали с ответственностью женщин за репродуктивную функцию, которая отнимала у них все силы и время и «требовала» покровительства со стороны мужчин. Затем стало понятно, что такое положение возникло насильственным путем и удерживается им же, что оно не обусловлено биологически и не может быть оправдано социальной целесообразностью. Дискриминация женщин (как и любой другой группы населения) – это всегда социальное зло.

В это же время поднимается «вторая волна» либерального феминизма, предложившего в качестве нового реального объекта социальной борьбы стереотипы, мешающие реализовать добытые на предыдущем этапе феминистского движения права – равное представительство в органах власти, равные права на образование, реформирование трудового законодательства и т. д. Самой известной работой либерального феминизма 1960-х годов стала книга Бетти Фридан «Загадка женственности» (1963), в которой разоблачены мифы о роли женщины как только домохозяйки и воспитательницы детей. В книге Фридан утверждается архаичность и реакционность такого подхода, который полностью лишает вторую половину рода человеческого возможности проявить свои таланты и реализовать скрытые возможности, вытесненные заботами о доме и семье.

Однако вопросы равноправия, равенства с мужчинами теперь уже не стояли в повестке дня. Работы представительниц радикального феминизма, как правило, делали акцент на тра-

диционной бинарной оппозиции биологических полов – мужского и женского (например, «Диалектика пола: проблема феминистской революции» Суламифь Файерстоун). Теперь на первый план вышли различия. А различия объединить не могут. Даже отличия от мужчин не приводят женщин к солидарности. Поэтому «вторая волна», не набрав мощи «первой», ушла в песок теоретизирования.

В рамках структурализма и символического лакановского психоанализа зарождается движение так называемой феминисткой критики: Юлия Кристева, Люси Иригарэ и другие. Центром развития феминистских идей становятся группы роста самосознания, в которых на основе психоаналитической традиции опоры на личный опыт и частные истории (так называемые case studies), переосмысляются стереотипы восприятия и оценки различных ситуаций. Из практики этих групп вырастают специальные образовательные программы для женщин и, наконец, обязательная в США для всех социальных профилей дисциплина о женщинах (womenstudies), а уже позже – с 1990-х годов – во многом оппозиционная ей учебная и исследовательская дисциплина – гендерные исследования (genderstudies).

Одной из центральных тем исследований становится проблема субъективности и идентичности субъекта, в том числе сексуальной идентичности, но также и национальная, и культурно-историческая, и возрастная самоидентификация субъекта. Задача состояла в том, чтобы мыслить различное.

Рози Брайдотти исследует систему властных отношений, которые формируют основные характеристики субъективности. Брайдотти предлагает проект высвобождения женской идентичности, оказавшейся встроенной в иерархическую систему определений, – «политический проект номадизма». Стать номадой (от греческого «номас» – кочевник) – обрести гибкую позицию в отношении своего места, своей роли, своей исключительности, в том числе своего языка. В этой гибкости и активности и состоит способ сопротивления властным структурам. Номадичность позволяет выйти из маскулинной иерархии.

Джудит Батлер считает необходимым провести своеобразную деконструкцию гендера: критически рассмотреть его обусловленность властными отношениями. Гендер – флуктуационная переменная, меняющая свое значение. Самоидентификация связана не с сущностью, а с поведением, которое носит прежде всего имитационный характер, подстраивается под те нормы, что заданы властными структурами, чтобы вписаться в социум. Батлер утверждает перформативность гендера.

Развитием дискуссий о гендере стала квир (queer) – теория. Вводя в оборот термин «квир-субъект», Тереза де Лауретис не связывала его с тем или иным биологическим полом, она подчеркивала внеположенность такого субъекта: он вне иерархически организованных ценностей, он вне центрированного нормативного общества и культуры, он оказывается тем нарушителем порядка и традиций, который своим эксцентричным поведением ставит под сомнение сам порядок, саму нормативность. Предметом квир-исследований являются все формы деконструкции гендера, то есть все формы нарушения устойчивых традиционных представлений о сексуальных идентичностях. Сексуальность мыслится как социальный конструкт, многообразный и меняющийся.

Постмодернистское развитие феминизма, уводящее последний в гендерные исследования, квир-теорию и к «множественным феминизмам», подрывает феминистское движение изнутри. Феминистки отказываются от понимания женской сексуальности, общей для всех женщин. И переходят к плюрализации гендерных определений. Невозможно выделить группу «феминной» идентичности, если «женское» растворяется в этническом, классовом, возрастном, а главное – во множественности не поддающихся никакой классификации идентичностей. Если понятие женской идентичности оказывается конструктом, то и существование понятие «женского» сомнительно. Если нет и не может быть, с точки зрения постструктурализма, никакого фиксированного значимого опыта, как нет фиксированного цельного

субъекта и соответственно некой исходной предданной идентичности, может ли «опыт» по-прежнему занимать центральное место в феминистских исследованиях – вопрос. Провозглашая «смерть субъекта», постструктурализм «убивает» и женщину как понятие.

Таким образом, получилось, что к концу XX века феминизм практически сошел на «нет»: теоретики увлеклись такими конструктами как гендер и квир, а практики женского движения стали мериться дискриминациями, как мужчины фаллосами, – у каких женщин гнет тяжелее: у чернокожих, или лесбиянок, или крестьянок, или одиноких матерей, или у чернокожих крестьянок и т. п. Поэтому, на наш взгляд, говорить о «третьей волне» феминистского движения – это выдавать желаемое за действительное. Она разбилась о волнорез патриархатного девиза «Разделяй и властвуй!» и брызгами рассыпалась по разным феминистским организациям, группам и группировкам. В XXI век феминизм вошел раздробленным, без объединяющей цели, теоретической основы, тактики и стратегии. Можно сказать, что феминизм испытывает кризис в своем развитии. И это объяснимо, тем более в ситуации общего кризиса фаллогоцентрической цивилизации.

II. Кризис патриархата и продолжающаяся дискриминация женщин

Патриархат как общественный строй – не богом данное построение общества и не естественное явление природы. Прежде чем человечество вступило в стадию развития, которую потом назвали патриархатом, оно прошло период становления – его иногда называют предысторией, потому что записей об этом периоде нет. Как бы там ни было, но патриархат начался не сразу, до него человечество проделало определенный путь. И раз у патриархата было начало, значит, он неизбежно придет и к своему окончанию.

Патриархат – это строй в развитии человеческого общества, в основе существования и развития которого лежат определенные принципы, ценности. Их можно назвать патриархатными или «мужскими» (так как при патриархате именно мужчины осуществляют свою власть над природой, над женщинами и над собой), это – андракси. К ним относятся:

1. индивидуализация, абсолютизация единичности, «свобода» атома в противоположность множественности, многообразию, совместности и коммуникации;

2. приверженность вертикали, иерархическому построению общества, в противоположность горизонтали, ризоме, гетерархии – системе, образованной пересекающимися, разнообразными и одновременно сосуществующими структурами организации;

3. упрочение власти, повсеместное насаждение властных отношений, пронизывающих всё общество, в противоположность принципам саморегуляции и равноценности;

4. культура насилия (насилие – это превосходящие меру необходимости силы одной стороны, направленные на унижение другой), в противоположность силам, направленным на поддержание, созидание;

5. принципы овладения, обладания, собственности (иметь, а не быть), в противоположность стремлению быть, а не иметь;

6. развитие субъектно-объектных отношений, когда в другом человеке видят не равную личность, а объект собственных интересов, средство для достижения своих целей и просто используют его, в противоположность субъектно-субъектным отношениям, которые выстраиваются из позиции глаза-в-глаза, на равных, когда в другом человеке видят личность и стремятся к развитию этой личности, когда благо другого человека становится целью собственной жизни;

7. принцип отчуждения, на основе которого патриархатом выстраивается мир мертвых вещей и отношений, отчужденный мир под знаком Танатоса, в противоположность миру, дарующему жизнь, под знаком Эроса;

8. ценность условной «отцовской» любви, когда любят за что-то: за заслуги и оправданные ожидания – в противоположность безусловной «материнской» любви, когда любят ни за что и несмотря ни на что;

9. рациональность, рассудочность, построение системы знания на основе количественного анализа действительности, на основе измерений, в противоположность знаниям, полученным на основе целостности эмоционального интеллекта, разума;

10. представление о мире как о жестком, убивающем живое порядке, устанавливающем превосходство принципов над спонтанностью жизни, в противоположность восприятию мира как хаоса животворящего, где всё возможно.

Если говорить в целом, то патриархат построил общество мертвое, зашедшее в своем развитии в тупик. Последствия того процесса отчуждения, о котором писали еще просветители, в XX веке проявились в кризисе человека и в кризисе всей фаллогоцентрической цивилизации. Основная причина кризиса как раз и кроется в процессе отчуждения. С точки зрения марксистской концепции отчуждения человек утратил контроль над тем, что он сам

создал. Человек – это творец, чья целенаправленная и спланированная деятельность отделяет его от животных, в отличие от которых «человек производит, даже будучи свободен от физической потребности, и в истинном смысле слова только тогда и производит, когда он свободен от нее» (К. Маркс). Но постепенно эта его деятельность, которая прежде являлась выражением человеческого творческого потенциала, становится просто средством для достижения цели – денег. Человек развивает технику и не развивает себя. Сценарии техногенной катастрофы хорошо описаны в литературе и кинематографии XX века. Производство становится отчужденным, навязанным действием. А женщина превращается в упакованный, рыночный товар и, таким образом, она отчуждается от собственного «я» и собственной сексуальности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.